

Кудрявцева - 2000 - 28 Дек. - с. 9

Визит к Нострадамусу

Попытка прогноза

Попасть к Нострадамусу на прием было непросто – в наше время, в канун третьего тысячелетия, люди средневековья очень популярны.

Отстояв очередь, я, наконец, подошел к кабинету, у дверей которого стояли два дюжих охранника.

– По какому вопросу? – спросили они меня.

– По личному.

– Проходи!

Кабинет был напичкан компьютерами, и, что меня особенно удивило, все они не работали. За столом сидел сам знаменитый прорицатель и грыз семечки.

Я поклонился.

– Марк Розовский? – догадался он. – Небось, о будущем театра будешь спрашивать?..

Я кивнул.

– Ну что тебе сказать... Плохи ваши дела.

Честно говоря, мне не очень понравилась эта весьма поверхностная оценка сегодняшнего положения в театре, но я не стал спорить: ведь я пришел сюда слушать великого Нострадамуса, а не высказывать свое мнение. Я только недоуменно поднял брови.

– Да, – сказал Нострадамус, опять будто догадавшись, что у меня в голове. – Премьер у вас много, зрителей видимо-невидимо, а Искусства, согласись, мало. Нет, можно сказать, никакого Искусства.

Я стыдливо опустил голову и снова промолчал.

– И зачем вам только эту свободу дали! – воскликнул Нострадамус, намекая на отсутствие цензуры в нашем деле. – Ведь вы с этой свободой так и не поняли, что надо делать.

– Ну почему же... – не выдержал я.

– А потому, что свобода слова была дана и тем, кому нечего сказать.

Этот мудрец резал мне правду-матку в глаза, а я вообще не люблю, когда режут. Чем-то этот мудрец меня раздражал, а вот чем именно, я пока не соображал.

– Надо ответственнее подходить, – продолжал учительствовать Нострадамус. – Иначе будет, как у Шекспира.

– А как было у Шекспира? – полю-

М.Розовский

бопытствовал я, хотя все последние годы мне казалось, что я знаю все о жизни и творчестве этого английского драматурга.

– Он умер в нищете.

“Мне бы его нищету!” – подумал я, вспомнив прошлогоднюю экскурсию в Стратфорд.

– Зависти у вас еще много, – сказал тотчас Нострадамус. – Зависти! Каждый не рад успеху коллеги. Друг к другу в театры почти не ходите. Друг друга не смотрите.

– Я хожу! – обиделся я. – Я много хожу! И много смотрю!

– Я сказал “почти”.

– Ну хорошо. А что будет?.. Вы мне скажите, что с нами со всеми будет?!

Нострадамус усмехнулся и недовольно скривил губу, – опять, мол, ко мне пристают с этим дурацким вопросом, я уж на него устал отвечать.

– Сказать?

– Скажите, конечно!.. Я ведь ради этого к вам и пришел.

– Ну что тебе сказать, Марк Розовский?.. – с этими словами мудрец сплюнул все огрызки в кулак и кинул их себе за спину.

– Что будет? – твердо повторил я свой вопрос.

– Ничего не будет.

– Как ничего?

– А так. Как ходили люди в театр,

так и будут ходить. Как делали вы свои премьеры, так и будете делать. И как мало было у вас Искусства, так его мало и будет. (Нострадамус подмигнул мне). Но, если хочешь знать, его и должно быть мало. На то оно и Искусство.

– А Интернет? – закричал я. – Говорят, в скором времени вместо театра будет один сплошной Интернет!

– Интернет будет, – сказал Нострадамус. – Вместо всего, кроме театра.

“Боже, какое счастье! – подумалось мне. – Хоть одной катастрофы удастся избежать”.

– А Закон о меценатстве... будет, наконец, у нас Закон о меценатстве?

– Да будет. Будет вам.

– Что?

– Закон о театре в пакете с Законом о меценатстве – вот что!

Я был готов расцеловать Нострадамуса за это пророчание.

– Не меня, а Думу за это надо целовать, – опять догадливо произнес Нострадамус.

Но я пожегил от этих слов. Все что угодно, но только не это!

– Теперь насчет повышения зарплаты. Этого вашим актерам в новом тысячелетии я обещать не могу.

– Да мы, собственно, и не ждем, – сказал я. – Вернее, ждуть устали.

– Правильно, – сказал мудрец, который оказался даже мудрее, чем я с ним думал. – В этом вопросе еще три тысячелетия пройдет, прежде чем что-нибудь изменится.

– Ну спасибо, – сказал я. – А то другие обещают-обещают, а воз и ныне тут.

– Там, – сказал Нострадамус. – Воз там.

– Нет, тут.

– Нет, там.

– Тут. Тут.

– Там, я тебе говорю, – строго прикрикнул на меня Нострадамус и показал на дверь, словно эта дверь вела во Вселенную или в Вечность.

Я вышел в нее счастливый и одухотворенный.